

Созаев Азамат Борисович

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ В РУССКОМ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительно-типологическое описание грамматических единиц русского и карачаево-балкарского языков позволило установить сходства и различия в двух языках. Это дает возможность направить систему работы по развитию русской речи учащихся балкарских школ на преодоление явлений интерференции и создает условия для опоры на явления транспозиции, использование умений и навыков, приобретенных учащимися на уроках родного языка, для развития русской речи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 160-163. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81246.2

Филологические науки

Сопоставительно-типологическое описание грамматических единиц русского и карачаево-балкарского языков позволило установить сходства и различия в двух языках. Это дает возможность направить систему работы по развитию русской речи учащихся балкарских школ на преодоление явлений интерференции и создает условия для опоры на явления транспозиции, использование умений и навыков, приобретенных учащимися на уроках родного языка, для развития русской речи.

Ключевые слова и фразы: сопоставительно-типологическое описание; грамматические единицы; иностранный язык; сопоставительный анализ; родной язык; типологические сходства и различия.

Созаев Азамат Борисович, к. филол. н.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова

azamat-s@list.ru

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ В РУССКОМ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКАХ[©]

В русском и карачаево-балкарском языках любое действие, обозначаемое личной формой глагола, находится в каких-то отношениях с реальной действительностью. Признак «связь с реальной действительностью» у личных форм глаголов имеет несколько значений. Это, когда личная форма глагола может обозначать действие, имеющее место в действительности (реальное), и действие, в действительности не совершающееся (ирреальное). Нет таких личных форм глагола, которые не охарактеризовались бы по этому признаку, – следовательно, этот номинативный элемент значения обязателен. Но этот элемент значения для этих форм выступает и как регулярный, ибо существование личной глагольной формы с одним значением из трех названных значений этого признака предопределяет существование и двух других форм с иным значением этого признака. Например, дана личная форма желаемого действия. Без сомнения, в языке существуют формы, отличающиеся от данной формы только тем, что выражают значение предполагаемого или ирреального действия. Оно является единственным содержательным различием между словоформами. Отсюда делаем вывод, что данная грамматическая категория является словоизменительной – она противопоставляет формы одной лексемы. Характеристика личных форм глагола, соотносящих действие с реальной действительностью, определяют как наклонение.

Наклонение в карачаево-балкарском языке тоже определяется подобным образом. От русского языка оно отличается только количественно. В карачаево-балкарском языке можно выделить семь наклонений, в то время как в русском языке выделяется только три (изъявительное, повелительное, сослагательное).

Изъявительное наклонение (*туура туруш*) в карачаево-балкарском языке не имеет собственного особого показателя. Оно конституируется всей системой временных форм. Такое явление наблюдается и в русском языке. Изъявительное наклонение рассматривается только в рамках временных форм личных глаголов. В этом аспекте русское и карачаево-балкарское изъявительное наклонение сходятся.

Форма сослагательного наклонения (*ийсагъын туруш*) в карачаево-балкарском языке выражает ирреальное действие желания, стремление совершить действие. Образуется это наклонение комбинированием средств выражения будущего и прошедшего времени вследствие чего форма сослагательного наклонения обычно получает наименование будущего в прошедшем [1, с. 350-351]. Это наклонение в карачаево-балкарском языке образуется двумя способами:

1) с помощью аффикса будущего времени *-ыр* (*-ир, -ур, -юр*) и вспомогательного глагола «эди» в спрягаемой форме: *барыр эдим* – «я сходил бы», *жазар эди* – «он написал бы».

Одна форма этого наклонения образуется с помощью аффикса *-гъай, -гей* и вспомогательного глагола *эди*: *Мен бир баргъай эдим* – «Вот бы сходить мне» и т.д.;

2) другая форма сослагательного наклонения образуется с помощью причастия на *-гъан* и вспомогательного глагола «болса» в спрягаемой форме: *Мен ары баргъан болсам* – «Если я схожу туда когда-нибудь».

В русском языке сослагательное наклонение выражается глаголом в прошедшем времени *написал (а) бы*. Эту частицу «бы», поскольку она выражает морфологическое значение, приравнивают к флексиям, но вследствие того, что она подвижная, относят к служебным словам: *Я написал бы, да времени не было*.

Повелительное наклонение в русском и карачаево-балкарском языках выражает общее значение императива, т.е. выражает модальное значение повеления, волеизъявления, приказа, **требования**: *Читай! Слушай! Идите! Пишите!* Формальным показателем повелительного наклонения является во 2 л. ед.ч. флексия *-и* (*пиши*), во 2 л. мн.ч. *-те* (*пишите*).

В карачаево-балкарском языке (как и во многих тюркских языках) повелительная форма 2 л. ед.ч. выражается нулевой аффиксацией, совпадающей с глагольной основой: *ал* – «возьми», *айт* – «скажи», *бар* – «иди» и т.д. Во 2 л. мн.ч. к основе глагола присоединяются аффиксы *-ыгъыз, -игиз, -угъуз, -югюз*: *барыгъыз* – «идите», *келигиз* – «приходите», *къууугъуз* – «гоните», *кюлюгюз* – «смейтесь». Повелительное наклонение глагола всегда произносится с ярко выраженной повелительной интонацией, которая способна

модифицироваться с наиболее строго указа и вплоть до самой тихой просьбы – мольбы. Есть и другие формы императива, например: *алчы бу китапны (возьми-ка эту книгу); келмей къалма (обязательно приди), бармай кьойма (сходи обязательно); кьой барсын (отпусти, пусть идет); барайкъ, келейик (пойди, приходи); къайдан билсин (пусть знает); айтып кьой (обязательно скажи), келип къал (немедленно преиди); думп бол (исчезни, растворишься) и др.*

Другие наклонения, встречающиеся в карачаево-балкарском языке, как-то: условное, желательное, уступительное, долженствовательное, – в русском языке как самостоятельные наклонения не выделяются.

Условное наклонение (*шартчы туруу*) в карачаево-балкарском языке выражает условие, при котором должно совершиться другое действие. Формальными показателями условности являются аффиксы *-са, -се: барса – «если пойду», келсе – «если придет»*. Условное значение может выражать и аналитическая форма с вспомогательным глаголом «эсе»+личные аффиксы: *бара эсем – «если я иду», барлыкъ эсем – «если я должен пойти», баргъан эсем – «если я сходил» и т.д.*

Условное наклонение выражает условие, в котором может происходить другое действие. У этого наклонения есть свой формальный показатель *-са, -се: барсам – «если я пойду», келсенг – «если ты придешь»* и т.д. Формы условного наклонения могут употребляться самостоятельно и в сопряжении с иными глагольными формами в составе условного периода. При самостоятельном употреблении форма условного наклонения обозначает пожелание, просьбу, наставление. (1) *Ол юйге заманында жеттише эди.* / Пришел бы он домой вовремя. (2) *Жашила тойгъа кетсе боллукъду.* / Было бы хорошо, если бы парни сходили на праздник. В первом предложении форма «жеттише» выражает пожелание, а во втором предложении «кетсе» употребляется в изъявительном наклонении.

Но основным функциональным назначением условной формы является несопряженное употребление в составе условного периода, указывая на синтаксическую и логическую зависимость. *Причем придаточная часть может занимать различные позиции: Манга бир зат болса, эштмедим деме.* / Если со мной что-нибудь случится, пеняй на себя. *Сен кесинг сейир этеринг, ол ишни кёрсенг.* / Ты бы очень удивился, если бы это увидел сам. *Бираз къарайкъ да, хапар болмаса, анга кёре этербиз.* / Подождем немного, если не будет шума, поступим по-другому.

Время, выраженное глаголом в придаточной части с условной морфемой *-са, -се*, во многом зависит от глагольной формы главной части предложения. В зависимости от того, с какой глагольной формой употреблена морфема *-са, -се*, ситуация может быть ориентирована на будущее, настоящее или прошедшее время, например: *Сюе болсанг, манга къара, суймей болсанг, баихагъа къара.* / Если любишь, смотри на меня, если не любишь, смотри на другого. *Устазы не айтса, сохтасы аны этип кьоя эди.* / Что бы ни сказал учитель, ученик выполнял в точности. *Биреу аны дыгылына тейсе, ол къызарып, жинк кибик болуп калыр.* / Если его кто разозлит, он покраснеет как огонь.

Таким образом, форма *-са* в составе условного периода выражает условно-следственные отношения и противопоставляется форме *-са да*, в семантической сущности которой проявляется значение каузальности (причинности), и возникает новая системообразующая семантическая связь: причина-следствие. Два представленных выше отношения между собой также обнаруживают внутренние связи: условно-следственная связь предполагает наличие альтернативы, т.е. выбора в данном случае двух возможностей: *келсе, айтырма – «если придет, скажу», келмесе айтмам – «если не придет, не скажу»*. Форма на *-са да* такой возможности не имеет: *келсе да, айтырма*, но нельзя сказать: *келмесе да айтмам*. Условное наклонение в карачаево-балкарском языке может образовываться от аналитических форм времени по модели: причастие на *-гъак+болса+эди: баргъан болса эди – «если бы он сходил»; кёрген болса эди – «если бы он увидел»*. Такая форма выражает значение условия в давно прошедшем времени. Условия выполнения действия могут относиться к разным временным плоскостям: причем компоненты конструкции могут быть двухкомпонентными (*баргъан эсе, барды эсе, бара эсе*), трехкомпонентными (*бара тура эди эсе*) и т.д.

Таким образом, основным значением условного наклонения является выражение «условия» – выполнения действия.

Желательное наклонение (*алгъышчы туруу*) выражает желательность обозначаемой ситуации для говорящего и выражается с помощью аффиксов *-йым, -йум, -йюм*, присоединяемых или к основе глагола, или к деепричастию на *-о, -е: жюрюйюк, барайкъ (пойдем), кёрейик (посмотрим) и т.д.* Образуются и аналитические формы с вспомогательным глаголом – бол «быть»: *айтхан болайым – «сказать бы мне», баргъан болайым – «сходить бы мне»; кёргенча болайым – «я как будто вижу», кетгенча болайым – «я как будто ухожу»*.

Во 2 л. ед.ч. желательные формы образуются с помощью аффиксов *-гъын, -гин, -гъун, -гюн, -хын, -къын, выражающие благопожелания или проклятия: артымда къалгъын – «чтоб ты остался у меня наследником», насыпдан толгун – «чтоб ты был счастлив» – это благопожелания; къаралгъын – «чтоб ты почернел», талангын – «чтоб ты высох» – это проклятия. Во множественном числе они имеют обычные аффиксы *-гъыз, -гиз, -гъуз, -гюз: артымда къалыгъыз (останьтесь позади), ахшы жолгъа барыгъыз (счастливого пути), игилик кёрюгюз (счастья вам) и т.д.* В 3 л. ед.ч. желательные формы образуются с помощью аффиксов *-сын, -син, -сун, -сюн, а во мн.ч. к ним присоединяются аффиксы мн.ч. -ла, -ле: барсын – «пусть идет», келсин – «пусть придет», барсынла – «пусть идут», келсинле – «пусть придут»*. Желательное значение еще может выражаться с помощью аффиксов *-гъай, -гей* и вспомогательного глагола «эди» с личными аффиксами: *алгъай эдим – «вот бы взять мне», жазгъай эдим – «вот бы написать тебе» и т.д.**

Уступительное наклонение (*ырызлыкъчы туруу*). Уступительная модальность признается не всеми исследователями тюркских языков [5, с. 105]. Это наклонение не выделяется и в карачаево-балкарском языке [2, с. 408],

хотя этот вид модальности существует в языке, имеет свои оформившиеся морфологические показатели, которые служат для выражения определенных семантических смыслов. В карачаево-балкарском языке форма уступительного наклонения образуется по модели: глагол в условном наклонении+элемент «да». У частицы есть закрепленная за ней позиция – она занимает постпозицию после флексийной формы глагола условного наклонения: *кёрсе да* – «хотя и увидит», *барса да* – «хотя и пойдет», *тепсесе да* – «хотя и будет танцевать» и т.д. Здесь значение уступительности выражается аналитически, т.е. за пределами слова. Парадигма спряжения уступительного наклонения выглядит следующим образом:

барсам да – «хотя я и пойду»;
барсам да – «хотя и пойду»;
барсанг да – «хотя ты и пойдешь»;
барса да – «хотя он и пойдет»;
барсакъ да – «хотя мы и пойдём»;
варсагъыз да – «хотя вы и пойдёте»;
барсала да – «хотя они и пойдут».

В карачаево-балкарском языке аналитические формы уступительного наклонения могут образовываться с помощью вспомогательных глаголов *болса*, *тур-*, *эди*. Эти те же формы условного или сослагательного наклонения, только осложненные значением уступительности:

- форма *-гъан болса да*: *Хасан юйге баргъан болса да, анда кеп туралмазлыгъын ангылады*. / Хасан, хотя и пошел домой, но понял, что там долго не сможет быть;
- форма *-а/-п турса да*: *Атам, не ышыкълап къараса да, аллында жукъ кёралмай эди*. / Отец, хотя и присматривался зорко, впереди ничего не видел;
- форма *-ыр болса да*: *Мен, барыр болсам, болмасам да, санга билдирмей къоймам*. / Я, хотя и пойду или не пойду, обязательно сообщу тебе.

Аналитические конструкции уступительного наклонения могут быть многоэлементными с выражением различных темпоральных значений: *чабыт кетип бара тургъан болса да* – «Он, хотя и будет, будет убежать». Следует отметить, что грамматические формы уступительного наклонения не употребляются в самостоятельной позиции. Они функционируют только в составе уступительного периода, вступая в различные отношения с глаголами индикатива и императива. Они в таком составе выражают отношения обратной стимулирующей обусловленности [4, с. 164-165], т.е. глагольная форма сообщает факт, вопреки которому совершается действие, обозначенное аподозисом: *Сен не къадар къычырсанг да, мени къоркъуталлыкъ тыйюлсе*. / Ты, сколько бы ни кричал, не испугаешь меня.

Формы уступительного наклонения могут занимать любое положение в предложении, но чаще всего занимает препозитивное положение по отношению к глагольным формам аподозиса: *Къарындашым ангыласа да, къалгъан жууукъларым ангыламадыла мени*. / Хотя брат и понял меня, но другие родственники не поняли. Это же предложение можно переделать по-другому, т.е. постпозитивно расположить протазис с уступительной формой глагола: *Къалгъан жууукъларым ангыламагъандыла, къарындашым ангыласа да*. / Но другие родственники не поняли, хотя брат и понял меня.

Такое употребление будет зависеть от задач актуального членения предложения. Предложения, содержащие глагол в уступительном наклонении, являются по общей семантике противительными.

Таким образом, наиболее употребительной формой уступительного наклонения является морфема *-са да*. Данная морфема в сопряженном употреблении с другими глагольными формами выступает как универсальная форма уступительного наклонения.

Долженствовательное наклонение (*итиниучю туруи*). Карачаево-балкарскими исследователями долженствовательное наклонение тоже не отмечено, хотя у него есть собственное содержание, форма выражения и парадигма спряжения. Выражается оно в карачаево-балкарском языке в основном аналитически с помощью модификатора *керек* – «нужно, надо». В других тюркских языках, в частности, в кумыкском языке, оно выражается и синтетически [1, с. 350-351]. В карачаево-балкарском языке долженствовательное наклонение образуется по модели: основной глагол в неопределенной форме на *-ргъа+керек+личих+* аффиксы: *барыргъа керекме* – «я должен, намерен пойти». Парадигма этого наклонения представляется следующие образом:

<i>барыргъа керекме</i>	<i>барыргъа керекбиз</i>
<i>барыргъа керексе</i>	<i>барыргъа керексиз</i>
<i>барыргъа керекди</i>	<i>барыргъа керекдиле</i>

Модальный модификатор «керек» обычно ставится в постпозиции к основному глаголу: *Мен къошха барыргъа керекме*. / Я должен поехать в кошару. Категория долженствования относится к ситуации потенциальных, а не реальных, из чего следует вывод о том, что действие, выражаемое этой формой, имеет перспективную направленность. *Сабийлени жангы жьылгъа бир жьыргъа керекбиз*. / Мы детей должны собрать на Новый год.

В безличных конструкциях это наклонение может выражать другой коннотативный признак – сожаление говорящего; что действие, соответствующее желанию говорящего, не совершено: *Не да этип Салих бла тюбеширге керек эди*. / Во что бы то ни стало, надо было встретиться с Салихом.

Основной функциональной сущностью долженствовательного наклонения является выражение нереализованных фактов, событий, ситуаций. Это положение можно проверить подстановкой отрицательной трансформы с противительным союзом: *Мен шахаргъа барыргъа керек эдим, алай бармай къалдым*. / Я должен был поехать в город, но не поехал.

При перечислении нескольких действий, которые должны осуществляться в будущем, показатель долженствования «керек» обычно ставится после последнего глагола: *Москвагъа бир келгеннен аны къараргъа, кёрюрге, таньшыргъа керекди.* / Раз приехали в Москву, следует посмотреть, познакомиться, походить.

Для этого наклонения характерны многоэлементные конструкции, которые выражают длительно или многократно повторяющееся действие: *Ахмат къошха кетип бара турургъа керек эди.* / Ахмат должен был идти (длительно) в кош.

В карачаево-балкарском языке значение долженствования может передаваться и вспомогательным глаголом *бол-*: *Мен барыргъа болама болама – «Я должен пойти».* Такая форма долженствования характерна и для башкирского языка [3, с. 314].

Признак долженствования в карачаево-балкарском языке может выражаться также модификатором *тийшили* – «должен, положено»: *барыргъа тейшилиди* – «должно пойти, положено сходить».

Таким образом, формы долженствительного наклонения употребляются с модификаторами и вспомогательными глаголами.

Благожелательное наклонение (*алгышчы туруш*). Это наклонение не отмечено в других тюркских языках. Это, видимо, объясняется тем, что формы благожелательного наклонения совпадают с другими наклонениями, но, с точки зрения семантики, они различаются. Совпадают, в частности, с формами повелительного наклонения (*барсын – «пусть пойдёт», келсин – «пусть придёт»*) и с формами желательного наклонения (*баргъай эди, келгей эди*). Это наклонение образуется различными аффиксами уже имеющихся наклонений, но значение этого наклонения выражается шире, аналитически, более широким контекстом, например: *юйюне барсын, школгъа келсин, тюкеннге чабсын (пусть идет домой; пусть придет в школу; пусть сбегает в магазин)* – здесь повелительная форма, а в сочетаниях: *ол мураты жетсин (пусть сбудутся его благожелания), Аллах онг берсин (пусть Бог тебе поможет), санга къыйынлыкъ жетмесин (пусть не коснутся тебя трудности)* – выражаются благожелания. Так же можно интерпретировать аффиксы *-гъын, -гин, -гъун, -гюн, -хын, -къын*, образующие императивные формы 2 л. ед.ч.: *къалгъын (оставшийся), жетгин (достигнувший), толгъун (переполненный), кёргюн (увиденный)*, и т.д. Формы с этими глаголами в основном выражают аналитически значение благожелания или проклятий, например: *артымда къалгъын – «чтобы ты остался после меня», умутунга жетгин – «чтобы ты достиг своей цели»; къаралгъын, талангъын, аманынга жетгин – «чтобы ты почернел, чтобы на тебя напал понос, чтобы тебя постигла неудача»* и т.д.

Более слабо выражают значение благожелания глаголы с аффиксом *-гъай, -гей* + вспомогательный глагол *эди*: *Мен аны бир кергей эдим – «Вот бы мне увидеть его»; Мен ары бир баргъай эдим – «Вот бы мне сходить туда»* и т.д.

Таким образом, и в категории наклонения есть сходства и различия между русским и карачаево-балкарским языками. В карачаево-балкарском языке модальная семантика наклонений представлена более богато, чем в русском языке.

Подводя итог, отметим, что описанные выше категории наклонения русского и карачаево-балкарского языков являются надежной базой для прогнозирования типичных ошибок в речи учащихся, это позволяет наметить стратегию предупреждения и преодоления интерферирующего влияния родного языка, способствует более рациональной организации языкового материала в целях повышения качества обучения устной и письменной речи учащихся. Вся эта работа в конечном результате создает прочную базу для развития речи учащихся-балкарцев.

Список литературы

1. Гаджихмедов Н. Э. Словоизменительные категории имени существительного и глагола в кумыкском языке. Махачкала, 2000. 381 с.
2. Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976. 564 с.
3. Грамматика современного башкирского литературного языка / под ред. А. А. Юлдашева. М., 1981. 476 с.
4. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М., 1960. 360 с.
5. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Глагол) / отв. ред. С. Н. Иванов; Институт языкознания АН СССР. Л.: Наука; Ленингр. отд-ние, 1981. 184 с.

CATEGORY OF MOOD IN RUSSIAN AND KARACHAY-BALKAR LANGUAGES

Sozaev Azamat Borisovich, Ph. D. in Philology
Kabardin-Balkar State University named after H. M. Berbekov
azamat-s@list.ru

Comparative-typological description of grammatical units of the Russian and Karachay-Balkar languages enabled to identify the similarities and differences in the two languages. It provides an opportunity to focus the system of work on developing Russian oral competence with the students of Balkar schools on breaking the phenomena of interference and creates backgrounds for accentuating the phenomena of transposition, implementing the abilities and skills acquired by the students at the native language lessons for the development of Russian oral competence.

Key words and phrases: comparative-typological description; grammatical units; foreign language; comparative analysis; native language; typological similarities and differences.